

В. К. Харченко
wera_kharchenko@mail.ru
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

**Пластика документа:
по текстам митрополита Макария (Булгакова)
и князя А. М. Горчакова**

Пластика относится к категории слабо разрабатываемых проблем современной лингвопоэтики и в целом русистики. Как правило, пластику соотносят с художественным текстом, фиксируя в нём, однако не снабжая, определением её сущности. Опыт исследования пластики языка и стиля митрополита Макария (Булгакова), стиль которого всегда вызывал самые высокие оценки, исследования, проведённого на основе научных (историографических) и проповеднических текстов, а также материалов, относящихся к официально-деловому и эпистолярному дискурсам, позволяет нам предложить следующее определение пластики языка и стиля.

Под пластикой мы понимаем плавность, отточенность, отшлифованность произведений письменной речи различных жанров в сопряжении с прозрачностью и глубиной выражаемой мысли, лексическим и грамматическим разнообразием используемых средств, с естественностью, а подчас и элегантностью привлекаемых образов. В более компактном виде дефиниция пластики может звучать следующим образом: Пластика – это плавность, отшлифованность письменного текста, обусловленная богатством исходного материала как лексического, так и грамматического, вкупе с гибкостью и уместностью его использования.

Идеальным и весьма насыщенным пространством для рассмотрения «документного» воплощения пластики может служить изданное в 2012 г. усилиями подвижника К. Г. Капкова Собрание материалов для науки канонического права русской православной церкви, изложенное в систематическом порядке. К. Г. Капков пишет в Предисловии: «На наш взгляд, данный труд митрополита *Макария* был не только первым, но и до сих пор является в определённых вопросах непревзойдённым в своей области. Поэтому полагаем, что его публикация весьма актуальна. Исследование митрополита *Макария* может стать примером для составления свода современных действующих церковных правил, корпус которых, собранный воедино, кодифицированный и систематизированный, не только необходим для самой Церкви, но и мог бы внести ясность в понятие об устройстве церковных институтов для самой широкой публики» (митрополит Макарий (Булгаков). Собрание материалов...2012: 17). Обратимся к с. 190–191 этого издания с «подзаголовком»: Касательно благоустройства монастырей Настоятели наблюдают...».

Чтобы церкви монастырские как во внешнем, так и внутреннем отношении были в совершенной исправности и благолепии, согласно с правилами [Святых] Отец и церковными узаконениями.

Чтобы Богослужение в них совершаемо было с точностью по общему церковному, а где есть – монастырскому Уставу.

Чтобы в совершении Богослужения не было поспешности, гораздо более неизвинительной в Монашествующих, нежели в приходских Священниках, стесняемых иногда приходскими делами.

Чтобы к церковному Богослужению как сами Настоятели, так и вся братия приходили неопустительно и благовременно с необходимыми только исключениями для занятых особыми послушаниями и должностями.

Всего подобных требований пятнадцать. Уже в приведённых полностью четырёх постулатах легко заметить симметрию построения: *чтобы... чтобы...* и гармонию в трансляции мысли (требования), когда через начальную краткую экспозицию (*Чтобы церкви, Богослужение, к церковному Богослужению, в совершении Богослужения*) идёт подготовка к основному требованию: *в совершенной исправности и благолепии, с точностью, гораздо более неизвинительной, приходили неопустительно и благовременно.*

Прибегая к методике слепых сюжетных схем, выпишем и остальные требования.

XXX тщательно поддерживаемы и по возможности не допускаемы до ветхости XXX не было предпринимаемо ненужных и бесполезных построек, а нужные, важные и не терпящие времени XXX нужными экипажами, столовыми приборами и прочими домашними вещами XXX были исправленные описи и законные документы XXX делаются были заблаговременно и осмотрительно XXX расходов ненужных и незаконных XXX бережливы в издержках на себя и на братию XXX

Как видим, документ красиво составлен, он легко читается, а запечатлению требований помогает: во-первых, симметричное их расположение с анафорическим *чтобы... чтобы...*; во-вторых, опора на синонимию, на двукратные характеристики: *были в совершенной исправности и благолепии, заблаговременно и осмотрительно, ненужных и незаконных, ненужных и бесполезных*; в-третьих, уважение к материальной стороне жизни, пусть предельно скромной, но исправной: (здания) *тщательно поддерживаемы, (монастыри) были снабжены нужными экипажами, столовыми приборами и прочими домашними вещами.*

Согласившись, восхитительный порядок в делах придаёт этим делам черты поэзии. В те годы не писали об искусстве управления, но такое искусство существовало, и митрополит Макарий, по-видимому, понимал, что составляет отнюдь не «отписка», как сейчас говорят, «для проформы», а полноценный документ, которым нужно будет руководствоваться, почему в этом документе важно буквально каждое слово.

Далее следуют Обязанности Наместников. Здесь в зачине повторяется другая синтаксическая модель: *не изнемогает ли в чем какой брат, не терпит ли брат какой обиды от сильнейшего брата; в точности ли исполняются правила, предписываемые Монашествующим; не отлучаются ли братья из монастыря без позволения* (с. 193).

Обязанности Казначеев оформлены несколько иначе, но тоже по своему симметричному трафарету: *по приказанию..., с ведома и по воле..., с позволения* (с. 194).

Выстраивая свои, точнее сказать, идеальные требования, митрополит Макарий опирается на синтаксическое расколосье русского языка. Ни одна часть документа, как мы только что пытались показать, не похожа на другую. Каждая часть при этом обнаруживает свой синтаксический ритм, облегчающий чтение и восприятие, захватывающий основной блок требований, но, однако, и не все требования, иначе это выглядело бы искусственно, если не сказать карикатурно.

Вместо расхожего в настоящее время и слабо воздействующего слова «должен» митрополит Макарий прибегает (наряду, конечно же, и с этим словом!) к самым разнообразным конструктивным вариантам.

Это констатация уже совершающегося действия: *Смотрят, дабы во всех церквах монастырских была чистота и опрятность...; Хранят у себя ключи от ризницы... Это требование, выражаемое инфинитивом: Хранить монастырскую сумму как следует... В делах экономических помогать Экономам советами и споспешествовать самим Настоятелям... Это требование, выражаемое кратким прилагательным должен с модальным значением: Монахини ни за монастырскими и никакими другими делами от монастырей своих не должны отлучаться* (с. 199). Наконец, это требование, выражаемое глаголом пассивного залога: *Просящий о снятии Монашествующего сана ущеивается в сохранении обета сперва через Настоятеля со старшею братией...* (с. 199).

Ещё один механизм пластики рассматриваемых документов заключается в том, что наряду с ключевыми словами в самом центре требования (например: *приходили неотпустительно и благовременно*), много внимания уделено финальной части весьма чётких и кратких наставлений. Вчитаемся в обязанности Ризничных и в обязанности Клирошан и Пономарей:

XXX всё было в целости, чистоте и исправности. XXX исправляют как следует. XXX заблаговременно делают все нужные к тому распоряжения. XXX кому не должно и нет надобности быть там. XXX чинно, без малейшего опущения и остановки; XXX поочередно, а в случаях нужных – и без очереди, по назначению Регента.

Хорошо исполненное дело роднит его с искусством. Не случайно в свои наставления митрополит включает ещё и выразительные эпитеты, вдохновляющие красиво исполнять то, что должно. *...И петь неленостно, скромно, соблюдая древнее церковное пение и не повреждая его новове-*

дениями, не сообразными с простотой и умилением, каковыя особенно прилежны Богослужению монастырскому... (с. 197).

Теперь обратим внимание на нумерацию страниц. Всё то, что мы сейчас проиллюстрировали, охватывает незначительный фрагмент Собрания материалов, буквально несколько страниц: с. 190 – с. 197. Однако разнообразие конструкций и пластика создания простого документального жанра рельефно видны и на малом пространстве (в море можно поймать любую рыбу, но когда водоём невелик...). Богатство словаря свидетельствует об уникальности языковой личности митрополита Макария (Булгакова), создающего систему документов и опирающегося при этом на всю сокровищницу грамматических и лексических возможностей русского языка.

Все проанализированные документы поражают изяществом и краткостью при полноте отражения в них жизненных ситуаций. Теоретическая документоведческая лингвистика сейчас набирает обороты (Кушнерук, 2008), однако на практике инструкции, положения, уставы отличаются и многословием, что затрудняет прочтение, и канцелярским языком, не способствующим (особенно в инструкциях, которые, как известно, пишутся кровью!) быстро схватывать и прочно усваивать главный предостерегающий смысл.

Что показательно, формулируя свои требования или уточняя имеющиеся, митрополит Макарий руководствовался весьма актуальной во все времена, но сейчас слабо артикулируемой категорией здравого смысла, чему и учат, в частности, недавно опубликованные документы по каноническому праву.

Анализируя пластику документных текстов митрополита Макария (Булгакова), мы не можем не соотнести этот опыт составления «деловых бумаг» с тем, что характеризовало деловой стиль выдающегося дипломата XIX столетия А. М. Горчакова.

«Горчаков-дипломат в своем деле оказался новатором. Он сумел доказать, насколько литературный язык Пушкина с успехом употребим в системе, казалось бы, неизбежно казенного общества. Стиль дипломатических документов в составлении которых он принимал участие, обрел живые черты, оснастился разнообразием литературно-художественных средств и приемов. Горчаков стремился следовать классическим литературным канонам, добиваясь стилистической целостности, совершенства в таком официальном деле, как дипломатическая переписка. Это особенно очевидно, если сопоставить дипломатические документы прежнего времени с тем, что выходило из-под пера Горчакова. Похоже, он придавал значение каждому слову, каждой строчке, уделяя работе над текстом немало времени и таланта» (Лопатников В. А., 2011, 132–133).

Из депеши А. М. Горчакова посланнику России в США Э. А. Стекло. Июль 1861 г.: «Борьба, которая к несчастью, завязалась, не сможет ни продолжаться бесконечно, ни довести до полного уничтожения одну из сто-

рон. Рано или поздно необходимо будет прийти к какому-либо соглашению, допускающему существование различных ныне борющихся интересов. Следовательно, американская нация дала бы доказательство глубокой политической мудрости, если бы она постаралась общими усилиями прийти к соглашению прежде, чем бесполезное кровопролитие, бесплодное расточение общественных сил и богатств, акты насилия и взаимные репрессалии вырыли бы бездну между обеими частями Союза и в конечном счёте привели бы к их взаимному истощению и, быть может, к непоправимому разрушению торговой и политической мощи» (Лопатников В. А., 2011, 134).

Из инструкции Горчакова послу во Франции Н. А. Орлову. Декабрь 1871 г. «Мы желаем использовать эти добрые отношения, не провоцируя их. Речь идёт лишь об использовании этих отношений справедливым образом, отвечая на них сердечной взаимностью, но не допуская чрезмерной близости и доверчивости с правительством, которое ещё не завоевало право на них, – не поддерживая ни под каким предлогом стремления, которые не могли бы войти в наши расчёты и которые мы расцениваем как опасные для самой Франции, остерегаясь излишнего усердия, которое могло бы поставить под угрозу нашу политику, и, особенно, любых обязательств, которые имели бы целью создание общности интересов, на которые мы не могли бы пойти. / Таковы, князь, рамки которыми должна ограничиваться Ваша миссия. Она требует много такта и осторожности. / Император свидетельствует Вам о своём высоком доверии, передавая его Вашим заботам» (Лопатников В. А., 2011, 133).

В этих отрывках плавность и отшлифованность текста также зиждуются на лексическом и грамматическом многообразии при ясности постулируемых требований к адресатам.

Завершая анализ, подчеркнём, что в России XIX века уже были образцы идеально составленных деловых документов и в каноническом, и в дипломатическом регистрах общения. В этом весьма важном направлении развития отечественного языка блестяще работали каждый в своей области и митрополит Московский и Коломенский Макарий (Булгаков), и князь А. М. Горчаков.

Литература

1. Макарий (Булгаков), митрополит. Собрание материалов для науки канонического права Русской Православной Церкви, изложенное в систематическом порядке. Первая публикация / Под ред. К. Г. Капкова.– Белгород – М. – Сольба: Летопись, 2012.– 388 с.
2. Кушнерук, С. П. Теория современного документного текста: Дис. ... д-ра филол. наук / С. П. Кушнерук.– Волгоград, 2008.– 333 с.
3. Лопатников, В.А. Горчаков: Время и служение / В. А. Лопатников.– 3-е изд.– М.: Молодая гвардия, 2011.– 388 с.